

Убедившись, что за Джейденом следят, и в качестве наказания войны подвергли его физическому насилию, он вернулся в свою палатку и снова сел на кровать. Сон был почти невозможен из-за боли в перчатке.

Что ж, он устал, но не настолько, чтоб вырубиться.

Чувство успеха захлестнуло его. Хотя, наконец, у него был повар. Ему явно не мешает хорошая еда. Даже в Алазеле он ел лучше, чем в последние дни, и это говорило о многом.

После того, как лагерь потерял доступ к лесу, они должны были полагаться на свои запасы, то есть на зерно. Они сделали только один продукт, отвратительное создание, которое бойцы называли "крекер". Это был в основном ужасный плоский хлеб, который был испечен дважды. По-видимому, это предотвратило плесень, но плесень могла улучшить вкус. Это было кулинарное достижение, им каким-то образом удалось создать нечто одновременно безвкусное и абсолютно отвратительное. Прежде чем он попробовал крекер на вкус, он бы не подумал, что такое противоречие возможно.

Вскоре, в его палатку вошла Виктория. С серьезным выражением лица она откинула полог палатки и шагнула внутрь. В руках она держала два алхимических кувшина, наполненных кровью.

— Тебе не следовало сталкиваться с такими Классификациями.

Данте с благодарностью принял кувшины, не потрудившись спросить, откуда взялась кровь. Впрочем, это не имело значения. Облегчение, надо надеяться, было неизбежным.

— Спасибо тебе.

Виктория поколебалась, потом кивнула.

— Я подожду снаружи, если что-то пойдет не так.

Как только она вышла из палатки, Данте открыл банки с кровью. Мгновение он смотрел на свою перчатку, морщась от боли. После того, как он пропитал перчатку собственной кровью, любой контакт с другой кровью вызывал вспышку сильной боли. Он предположил, что всё зависело от количества: каждый раз, когда он погружал руку, боль длилась по крайней мере час.

Данте закрыл глаза и опустил руку в первую банку. Ожидаемая боль, казалось, атаковала каждый нерв под перчаткой. В течение первых нескольких дней после поглощения собственной крови он думал, что в конце концов приспособится к боли, привыкнет к ней так, что она будет только на заднем плане. Вышло всё скорее наоборот.

Когда банка опустела, он вытащил руку. Появился новый символ, теперь общее число достигло 49.

Он взволнованно подошел ко второй банке. Если она не остановит жгучее ощущение, он не знал, сколько еще протянет.

Данте опустил перчатку.

Количество боли не изменилось после первой банки, и как только перчатка впитала кровь, он вытащил ее, ожидая лучшего.

Данте уставился на 50-й символ. На мгновение, он ощутил сильную боль, затем она начала отступать.

Боль начала отступать. Понемногу. Боль все еще была сильной, но ощущение, что она становилась меньше, было эйфорическим.

На него нахлынуло новое чувство, ему потребовалось несколько минут, чтобы это заметить, но давление нарастало. Оно начало распространяться по всему телу. Неприятно, но не больно.

Боль прошла, Данте облегчённо вздохнул.

Давление начало расти. Казалось, что внутри него что-то растёт. Это было неприятно, но не критично.

Давление не прекращало повышаться, и покалывание, казалось, охватило все его тело. Ощущение сжатия внутренних органов начало нарастать.

Данте прикрыл рот рукой и закашлялся. Он посмотрел на нее, он кашлял кровью.

Земля под ногами, казалось, зашевелилась, когда его охватило чувство дезориентации. Спотыкаясь, он двинулся вперед, извергая содержимое желудка.

Данте посмотрел на свою блевотину, и его охватило тошнотворное чувство. То, что должно было быть желчью, и то, что он съел раньше, было кровью. Сплошной кровью.

Это покалывание продолжало распространяться по его телу, и он почувствовал влагу в ушах. Данте протянул руку, коснулся уха, и его палец оказался в крови. Так много крови.

Его дыхание стало затрудненным, каждый вдох давался с трудом, кровь сочилась изо рта и носа.

Его глаза начали слезиться, затуманивая зрение. Данте вытер влагу и посмотрел на свою руку. Снова кровь.

Это покалывание стало ошеломляющим, и ему показалось, что его слегка покалывают сотнями иголок.

Он с ужасом наблюдал за тем, как отверстия в его коже расширяются, как кровь начинает вытекать из пор на коже. Это было уже слишком.

Он открыл рот, чтобы застонать, но тут же выпустил очередную порцию крови.

Кровь сочилась из его тела, собираясь лужицей у ног, пока не достигла невообразимого количества. Он должен был умереть после такой кровопотери.

Нет, кровь была не его. Этого не может быть. Данте взглянул на перчатку.

Стабильность его сознания начала ухудшаться. Все, на что он надеялся, рушилось, и он чувствовал, как его сознание разваливается на части. Боль нахлынула на него, но не от перчатки, а от самого разума. Казалось, будто на него напал монстр из хищного подземелья.

На этот раз даже кровь, льющаяся изо рта, не смогла остановить стон боли.

Виктория насторожилась. Она вошла в палатку и не могла поверить своим глазам. Она

перевела взгляд с лужи крови на полу на его окровавленное тело. Она выглядела так, словно понятия не имела, что делать. Как, собственно, и сам юноша.

После того, как присутствие в его сознании отступило, все, казалось, разрушилось. Данте криво улыбнулся Виктории. Все стало только хуже.

Присутствие в его сознании внезапно вернулось, вернувшись в сознание. Данте споткнулся, внезапно потеряв контроль над своим телом.

Виктория появилась рядом с ним, осторожно опустив его на пол, а его голова упала на что-то мягкое.

Данте попытался открыть глаза, они слабо затрепетали, когда энергия, казалось, покинула его. Он понял, что его голова покоится на коленях Виктории. Он увидел, как она склонилась над ним, и на ее лице застыла маска беспокойства.

Это зрелище запечатлелось в его разуме, когда он потерял сознание.

<http://tl.rulate.ru/book/10265/462287>